

ISSN 2713-2595

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 3 (5) 2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дмитрий Жаткин

Дмитрий Николаевич Жаткин родился 3 сентября 1976 года в с. Нижняя Елизань Городищенского района Пензенской области. Окончил филологический факультет ПГПУ им. В. Г. Белинского, аспирантуру НИИ ЯЛИ и Э при Правительстве Республики Мордовия, докторанттуру МГОПУ им. М. А. Шолохова.

Доктор филологических наук, профессор. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Академик Международной академии наук педагогического образования. Председатель Пензенской областной организации СП РОССИИ, учредитель АНО ДПО "Гуманитарный институт". Автор более 340 печатных трудов. Живёт в Пензе.

Автор писем – Александра Петровна Анисимова (1891–1969), поэт, прозаик, со-братья русского устного народного творчества, член Союза писателей СССР, наряду с А. И. Карасевым, Н. И. Катковым, Н. М. Почивалиным, В. Л. Садовским, Г. Н. Федотовым стояла у истоков создания пензенской писательской организации.

Её адресат – Павел Давыдович Дружинин (1890–1965), русский крестьянский поэт, автор воспоминаний о Сергеев Есенине, уроженец села Тезиково Наровчатского уезда Пензенской губернии, с юных лет живший в Москве. Несмотря на то, что оба принадлежали к одному поколению, пришли в литературу в разное время. Павел Дружинин стал известен в 1920-е гг., когда одна за другой в Ташкенте и Москве вышли его поэтические книги «Песни самоучки» (1920), «Соломенный шум» (1924), «Деревня Самолётова» (1925), «Бабья доля» (1928), «Каменный язык» (1928), «Чёрный хлеб» (1928) и др. В 1940-е гг. выпустил в Пензе несколько книг – «За Родину, братья. Стихи. 1941–1942» (1942), «Военная лира. Стихи» (1943), «Избранные стихи» (1946, 1947); ещё один его небольшой сборник – «Детство» – был напечатан Пензенским книжным издательством в 1958 году.

Александра Анисимова, в 1935 г. связавшая свою судьбу с Пензенским краем, жила сначала в Каменке, затем в Башмаково, работала в районных газетах. В 1938 г. переехала в с. Пойм, где под впечатлением от богатой старообрядческой народной песенной культуры начала активно заниматься сбором фольклора и создавать литературные обработки народных текстов. В 1943 году Пензенское издательство напечатало её первую книгу «Про войну», после которой, уже в послевоенные годы, последовали книги, сделавшие её имя широко известным, – прежде всего, составленные ею сборники «Песни и сказки Поймского района», «Песни и сказки Пензенской области», «Народное красное слово», собравшие в себя уникальный фольклорный материал.

Первое письмо Анисимовой Дружинину датировано 14 июня 1943 г., последнее – январем 1965 г. Общее количество писем народной поэтессы, сохранившихся в архиве Дружинина, – 60. В них и тяжёлая доля русской женщины, и тяготы войны, и представление о добре и счастье, и полемика с коллегами по перу, и рассказ об издательских мытарствах, и восхищение теми, кто любил и ценил фольклор (Матрёной Смирновой, Екатериной Медянцевой, Маргаритой Афиногеновой), и нежелание сниматься с учёта в «родной» Мордовии в канун создания в 1958 г. Пензенской писательской организации, и критическая оценка редакторских способностей Н. И. Каткова, и удивление в связи со вступлением в Союз В. И. Кирюшина. Письма Анисимовой – доверительный монолог русской женщины, некоторые страницы которого, как дань памяти поколению, пережившему войну, журнал публикует на своих страницах в год 75-летия Великой Победы.

А. П. Анисимова: дневник в письмах. 1943–1946

Вступительная заметка, подготовка текста и публикация Д. Н. Жаткина

14/VI–1943

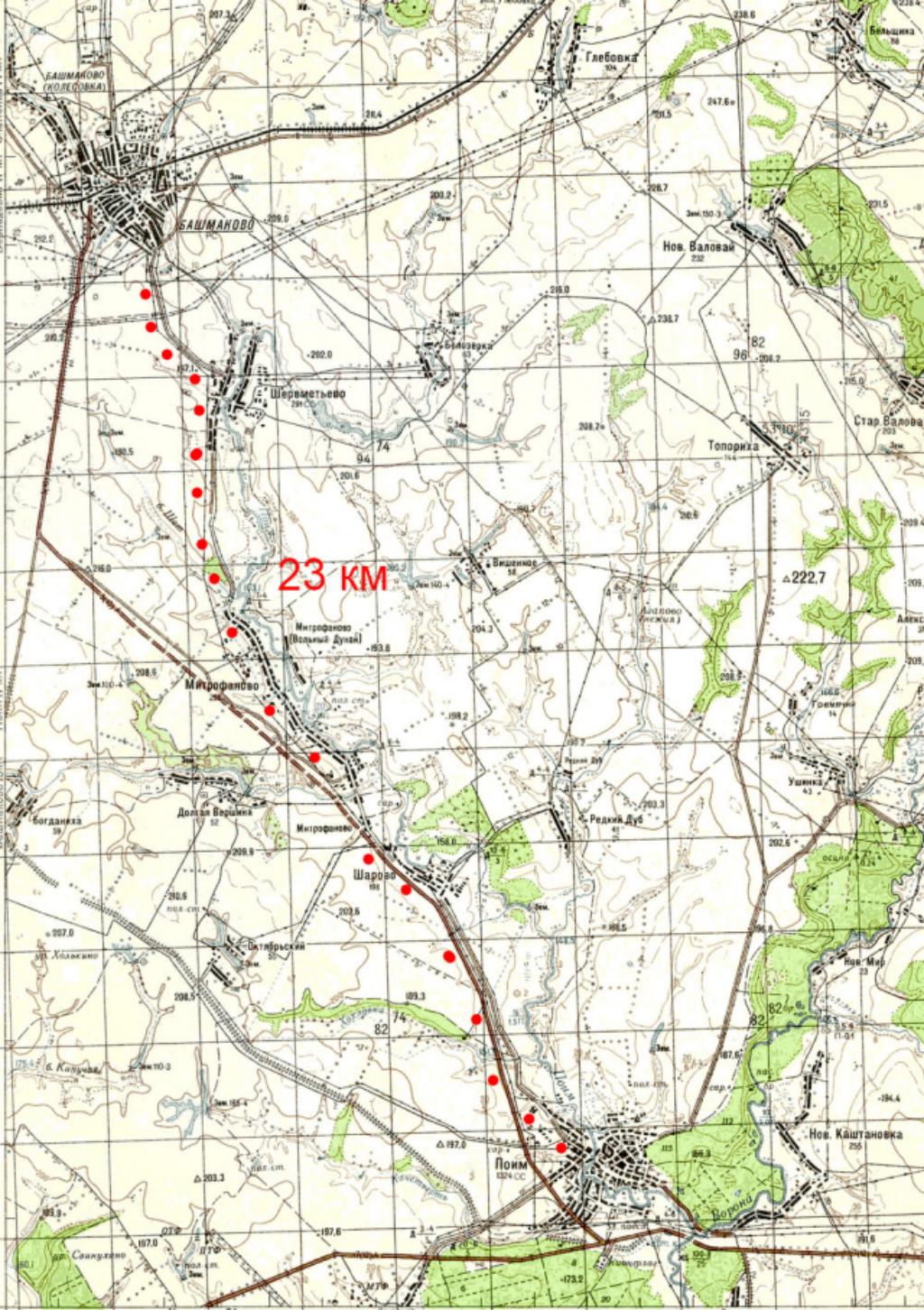
Если бы вы знали, как я была рада, когда поезд вышел из Подмосковья и когда за вагонным окном стало видно широкое поле. Сразу я даже немножко задохнулась от радости, а потом моя деревенская душа почувствовала какую-то блаженную успокоенность, а вместе с тем ещё острее почувствовалось то, что мешает радости жизни – война.

Дома я нашла свою картошку на 50 процентов взошедшей. Остальное всходит. Да ещё малость подсадила.

Что я возвратилась жива и здорова, никто не удивился (хотя некоторые и обрадовались). Зато немало подивились тому, что за день до моего приезда явился мой верный пёс Будилка. На время моего отъезда он «эва-

23 КМ

куировался» в село за 20 верст и жил там ровно полтора месяца – столько времени, сколько мне полагалось на поездку. Как же его собачья душа могла узнать, когда я буду дома?

Павел Давыдович! Я очень много послала Мореевой всего лирического. Там много и слабенького и всякой чепухи. Но, может быть, и хорошее что есть. Я надеюсь, что всё это вы увидите и поможете Мореевой построже отобрать, что нужно для сборника. Хочется верить, что он выйдет.

Дома у меня и ещё остаётся много, что хотелось бы показать – есть две сказки «Золотая принцесса» и «Птица Радость» (эти уже не рифмованые), маленький очерк «Песня Лермонтова» – это о здешнем писельнике Иване Прокофьевиче Суханове – он очень любит лермонтовские песни, в частности, «Выхожу один я на дорогу». Об этой песне он рассказывает, что Лермонтов сложил её в ночь перед дуэлью. Пусть это не так, но это народная легенда, народная любовь к поэту.

14/IX–1945

Была в Ульяновске, повидалась с дочкой. В Пензу не заезжала. В дороге очень трудно. Тесно. Из Ульяновска уехала через Сызрань. Из Башмакова ушла пешком, мешок немножко тяжёл, но ничего – дошла хорошо.

Дома всё благополучно, только у избы стена проходилась, и я на следующий же день принялась за штукатурку изнутри, очень соскучилась о строительных работах.

Сегодня напишу Храбровицкому. Боюсь, не поругал бы он меня за долгое путешествие. Но если бы он знал, сколько интересного было в пути от Ульяновска до Новоспасска, то не стал бы ругать. Как хорошо в Приолжье! Столько песен! И они мне потом пригодятся.

8/X–1945

Получила вашу открытку, очень хотелось сразу ответить, но до сегодня не могла этого сделать – от строительных работ руки так изодраны и истресканы, что писать было невозможно. Это во-первых. А во-вторых – у меня до сих пор нет рабочего места: стол загромождён так, что негде приткнуться, бумага была в сундуке, а на сундуке наставлено разных вещей до самого потолка. В моей избушке сейчас вмещается 40 мер картошки, меры три свёклы, мера редьки, моркови и репы, 26 тыкв, корзинка с зелёными помидорами. Это урожай с нашего огорода. Можно было бы уложить это поудобнее, но беда в том, что одна стена, которую я особенно усердно штукатурила, до сих пор не просохла. Всё же есть надежда, что к Рождеству просохнет и можно будет что-нибудь к этой стене поставить. Эти дни я мало бывала дома – то на огороде, то заново перестраивала завалинки, пилила, приколачивала, засыпала землёй, сделала крышки. Вчера закончила, а в ночь попшёл дождь.

Рукописи мои выкинуты в сени, всё перепутано, запылилось...

Весь этот погром меня мало расстраивает. Я терпеливо прямлю старые гвозди, точу пилу, пилю старые доски, приколачиваю. И любуюсь своей работой – в избе от побелки посветлело, завалинки – не хуже, чем у людей. А вот сестра моя всё время вздыхает и стонет, и упрекает меня в том, что у меня счастливый характер, и что я нарочно разыскиваю дыры, которые надо засинить. Она считает, что я всё это делаю просто от ничего делать.

Я начинаю немножко богатеть – заказала себе и сестре по валенкам.

У вас есть такие слова: «Быть здоровым, жизнерадостным, счастливым, – если бы от нас сие зависело». Эти слова не дают мне покоя. Хочется возразить: в очень большой доле это зависит от нас. Я свою жизнерадость не теряю ни при езде на подножке, ни вот теперь в этой суполоке с ремонтом и с уборкой картошки. При неудачах не расстраиваюсь, а делаюсь настойчивее. При нехватках изворачиваюсь. А вот счастье – кто его знает, что оно такое? Разговаривать об этом не берусь. Но думается, что счастье тоже можно беречь и ремонтировать. Что при несчастье надо собрать все силы и вытерпеть, это я знаю. Терпела.

И всё же в деревне жить легче. Здесь со многим миришься. И люди здесь, если не ближе, то проще и понятнее. Всё как-то яснее, виднее.

14/X-1945

Помнится – Павел Давыдович сожалел, что у него не осталось номе-ра «Сталинского знамени», в котором ему посвящена полоса. Делая раскопки в своих копчёных залежах, я написала этот номер. И посылаю. Лучше копчёный, чем никакого.

У нас сегодня бабушка Зима расстилает свой белый платок. Сестра моя в бездождные дни ходила в лес за сосновыми ветками. Сегодняшний её поход, наверно, будет последним. А ведь только ещё вчера она притащила сумку берёзовиков и рыжиков! Берёзовики мы пожарили, рыжики посолили.

Как кончились мои уборочные и плотничные работы, я стала хуже себя чувствовать.

25/X-1945

Вот и наступили долгие осенние вечера – любимое моё время. Зима уже помахала суровыми рукавами, насорила на озябшую землю белого холодного пуха. А теперь –

Гаснут неба вечернего краски.

Серп луны, как безмолвный дозор.

А на окнах – картинкой из сказки
Серебрится морозный узор...

В избёнке не так жарко, но и не холодно. А душа горит. Я опять взялась за «Фросю», собрала черновые наброски, сделанные урывками на листочках. «Съяглила» всё это и получилась третья часть романа «Фрося». Когда улежится, я всё это выправлю, как выправила первые две части. А вот теперь очень, очень хочется узнать – что бы вы сказали? Велели бы бросить или благословили бы продолжать?

5/XI–1945

Житьё вообще не роскошное, но ничего. Правда всякие житейские мелочи мучают и отнимают много времени, но от этого никуда не денешься. Население в нашей избе, с одной стороны, прибавилось, – мы приобрели котёнка, а с другой убавилось – котёнок съел всех мышей. В первые дни Будилка был недоволен появлением в доме кошки и пытался её ловить. Бросится кошка за мышкой, собака за кошкой, я за собакой, а сестра клянёт и нас и всю поимскую жизнь.

Читать, кроме газет, нечего. У меня «Известия», «Сталинское знамя», «Литературная газета», «Крестьянка» и «Дружные ребята». В парткабинетовской библиотеке есть журналы. Но вот беда – библиотекарша не может усидеть в нетопленом и всегда там заперто. А в районной библиотеке за отсутствием средств журналы не выписаны... И там тоже не топлено. Холод в клубе. В редакции скучно. Только в средней школе завелось живое дело – там устраиваются учительские пятницы: собираются часика на три с рукоделием, слушают известия за неделю (по газетам), беседуют о том, каким должен быть учитель, говорят о новых книгах. Это хорошо.

Пытаюсь взяться за организацию художественной самодеятельности. Но трудно к этому подобраться – всем не до этого. Помаленечку дописываю свою «Фросю». Новое пока что не творится, не выдумывается, а неволить себя на это не хочу. Мне сейчас не этого хочется. Я бы порисовала. Но эти порывы я направляю на другое: дверь была холодная, пришлось её обить старым мешком, обила. Сестра находит, что получилось красиво. Тепло прибавилось всё же мало.

Теперь ещё хочется поговорить о счастье.

Первая половина счастья – любимый труд. Вторая половина счастья – человек, близкий душе и любимому труду. Вот и всё. К этому требуются добавления (приложения): здоровье (ono у всякого есть или было) и минимальное материальное благополучие, а это, как говорят, дело наживное. Таким образом, всё счастье, как будто, зависит от человека: правильно выбери дорогу в жизни и с ней не сворачивай, дорожи другом своей жизни, береги здоровье, создавай материальную базу. Это теория. А на практике

получается так: люди душевно не богатые живут гораздо лучше материально. Может быть, они счастливы. Но ведь вы им не завидуете? Такого покоя не пожелаете?

1/XII–1945

«Во едину от суббот» мы устроили... что бы вы думали? – «встречу местных писателей (!) с интеллигенцией села Карсаевки». Мы – это инспектор района Аляпкин, мордовский писатель Карасёв и я, грешница. Выдумка моя. Выполнение Карасёва. Вступительная речь Аляпкина. Выпивка – в складчину. Это шутя. А не шутя так: мы провели в Карсаевке беседу о литературе (о воздействии на человеческую душу художественного образа, о Толстом (Л. Н.), о писателях из народа), а потом Карасёв прочитал свою поэму «Вышнеград» и фронтовые стихи, а я – «Царицу Ледяницу». После всего были танцы.

Хороший получился вечер!

Карасёва мне хочется избить. Сидит в Карсаевке, кругом песни, сказки, предания, настоящая жизнь. А он чванится своим писательским званием и пишет свой «Вышнеград», остров Утопию. Тут у него и «птичий гомон», и «конский топ», и пахнет апельсином и ядом «геббельсином». Всё, что тысячу раз сказано. А какие мог бы сделать хорошие переводы и пересказы, и как бы к месту они были в будущем альманахе.

19/XII–1945

Дома у нас не очень холодно. И надежда на дрова есть – я выписала 3 кубометра, и подвезти обещали в райкоме.

Позавчера получила письмо из издательства «Советский писатель». Для книжки отобраны сказки «Птица Радость», «Заколдованная липа», «Светлый месяц», «Песня Любви», сказ про Москву и 17 песен. И хватит бы. Но требуется, чтобы я переделала на старо-сказочный язык ещё две сказки – «Птичку из дарёного яичка» и «Мастерову смерть». В них язык новых народных сказок. Это понял мастер художественного слова Орлов, понял Исаковский. А вот тут не повезло, вот переделай их на другой лад. А переделать их так же трудно, как из дублённого шубняка бальное платье сшить. На другом языке это будет слашаво, получится не сказка, а просто дрянь, подделка, противная, сусальная, глупая. Я в отчаянии, не знаю, что и делать.

25/XII–1945

Настроение у меня тяжёлое, даже дышать трудно. Навалилась на меня тоска и не проходит. Недавно попалась сказка (издания 1941 г. Детиздат ЦК ВЛКСМ) «Два Ивана» – народная, в обработке Корнауховой. Хорошая.

Это первая из подновленных, которая мне понравилась. Правда, я мало что вижу, не доходят до нас, несмотря на большие тиражи.

Что-то принесёт новый год. Я бы хотела, чтобы он принёс радость в труде. От этого вся жизнь становится краше и милее.

30/I-1946

Вот я и дома. Доехала на редкость благополучно. Войдя в вагон, услышала знакомый голос и с полной уверенностью пошла в другой конец на этот голос. Оказалось правильно – наш секретарь райкома. На Башмаково за ним выслали лошадь, и он довёз меня до дома.

Дома всё благополучно. Но свою хату я не узнала – она вся отсырела, что никогда не случалось. А получилось это потому, что сестра печку топила, а таганку, нашу единственную вентиляцию, не топила, а ставила самовар. Стены стали мокрые, с окон потекло, постели стали сырье, дверь размокла и, чтобы открыть, её приходится выколачивать топором. Теперь топим таганку и стены стали просыхать.

Приехала я как раз вовремя – сестра в последний раз поставила хлебы, и больше муки нет – дают рожь, пшено, картошку. Мельница не работает. Сегодня пойду искать, где можно размолоть на домашних жерновах.

На мою долю осталась подписка на журнал «Октябрь» – библиотека не в состоянии его взять. Сейчас пойду сдавать письма и подпишусь на журнал.

Post scriptum

9/V-1963

Я совсем разучилась писать письма, даже поздравительные открытки перестала посыпать своим родным и близким. Не от лени. Не от некогда. А от какого-то угнетённого состояния. Ни на что бы не глядела, ни о чём бы не думала, ничего бы не делала... Эта расхлябанность у меня и от хворей, а больше от всяких диких обид, от жизненных нелепостей, от всяких равнодуший ко всему живому и творческому, и от неумного внимания ко многому такому, что, казалось бы, никакого внимания и не стоит...

